

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

ЛИССНЕР – ОТРАЖЕНИЕ ЗОРГЕ¹

А.Г. Фесюн

Кафедра цивилизационного развития Востока

Отделение востоковедения

Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики

Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В статье представлена биография и деятельность немецкого разведчика Ивара Лисснера – человека, практически повторившего жизненный путь советского разведчика Рихарда Зорге, работавшего в дальневосточном регионе в 30–40-е гг. XX в.

Ключевые слова: Германия, фашизм, Япония, СССР, разведка, Абвер, Рихард Зорге, Манчжурия, Китай.

10. Работа на Дальнем Востоке в качестве корреспондента нацистского печатного органа. Вайнрайх из издательского дома «Ханза», «открывшего» Лисснера, даже в наши дни не мог скрыть негодования при упоминании о том, как они получили извещение Лисснера о его переходе в «Фелькишен Беобахтер» и отъезде в Японию. Он говорил: «Сообщение Лисснера потрясло меня. Мы не собирались конкурировать с “Фелькишен Беобахтер”, да это было и невозможно. Ничего не оставалось, кроме как принять его слова, как данность». Лисснер приводил еще несколько причин, однако, похоже, задолго до этого с его стороны были предприняты некоторые шаги для установления связей с “Фелькишен Беобахтер”. Антинацистски настроенный Вайнрайх был просто потрясен, узнав о том, что Лисснер подал заявление об увольнении; своего удивления он не мог забыть никогда. По его мнению, талантливому писателю потребовалось бы около года, чтобы привыкнуть составлять статьи для такой варварской нацистской газеты.

¹ Первая часть опубликована в Вестнике РУДН. Сер. «Всеобщая история». – 2012. – № 3. – С. 79–102.

Сам же Лисснер не испытывал ни малейших колебаний, подавая заявку на поступление в «Фелькишен Беобахтер». Он считал, что редакция даст ему какую-нибудь особую должность. Редакция же в то время искала профессионального журналиста, способного заменить ушедшего с поста главы токийского корпункта «Фелькишен Беобахтер» Альбрехта Фюрст фон Ураха (Albrecht Fürst von Urach), а также плохо зарекомендовавшего себя сообщениями из Китая корреспондента в Шанхае Шенке (Schenke). Лучшего кандидата на это место, чем Ивар Лисснер – друг японских военных и гарант доверия между Берлином и Токио, не существовало.

Да и для Лисснера – путешественника по миру – этот пост был сказочным сном. В марте 1939 г. он вторично приехал в Восточную Азию, теперь уже в качестве постоянного дальневосточного корреспондента «Фелькишен Беобахтер» и «Ангриффа».

В качестве представителя партийных органов в Японии он постоянно менял места пребывания: какое-то время жил в Токио, затем в Шанхае или Харбине. В тех точках Восточной Азии, где Япония начинала военные действия с захватническими целями, неизменно появлялся Лисснер, и японские военные были уверены, что он отнесется к ним доброжелательно и положительно отразит их стремление к экспансии.

Наступил июль; японская армия запретила вход и выход из английских селтльментов в больших городах на побережье Китая, в частности – в Тяньцзини. В качестве предлога утверждалось, что эти селтльменты используются как укрытия для китайских партизан.

Корреспондент «Фелькишен Беобахтер» Лисснер немедленно поддержал это решение, прокомментировав его следующим образом: «Прикрываясь британским флагом, китайские партизаны постоянно получали в английских селтльментах материальную и идеологическую поддержку. Япония долго смотрела на это сквозь пальцы, но теперь решила положить такому положению конец, запретив вход и выход главарям этих банд» («Фелькишен Беобахтер», 1939.08.01).

Англия подала протест на эту статью; Лисснер немедленно откликнулся: «Лондон не только допускает оплошность, но совершает преступление!»

После этого он не упускал из виду ни одну из перипетий англо-японского противостояния. Его мнения немедленно появлялись центральными заголовками в «Фелькишен Беобахтер», например: «Скрывающиеся за ключей железной дорогой англичане», «Япония требует всестороннего пересмотра английской политики в Китае», «Япония противостоит двуличию Англии», «Япония не может позволить дальнейшего затягивания принятия решения».

Даже когда в отношении японской победоносности начали появляться сомнения, Лисснер продолжал стоять на позиции невозможности поражения Японии. 30 июня 1936 г., вступив в должность члена редколлегии «Фелькишен Беобахтер», он писал: «Япония опровергла мнения центральных миро-

вых газет о том, что ей не по силам быстро покорить Китай; совершенно очевидно, что японская победа получит твердое развитие, и даже речи не идет о каком-либо отступлении. Экономические обозреватели также ошиблись, считая, что Япония не в состоянии вести длительные боевые действия».

Читая эти строки, становится понятным, отчего японские генералы доверяли Лиснеру гораздо больше, чем прочим, антияпонски настроенным журналистам.

Посетив штаб японских вооруженных сил в Северном Китае, Лиснер передал командующему Ямасита письменный отчет о положении дел. Он хотел знать о сильных и слабых сторонах китайских партизан и задал следующий вопрос: «Где располагается ядро незаконных военизированных формирований в Северном Китае?». Ямасита ответил: «Они есть и в восточной горной местности, и в речной системе на севере. Помимо этого, они есть в горах на западе и на юге. Однако, по моему мнению, оценка реальной военной силы партизан значительно завышена».

Почти сразу же после этого разговора читатели «Фелькишен Beobachter» смогли узнать из статьи Лиснера следующее: «Из того, что существуют отчаянные сорвиголовы, глупо делать далеко идущие выводы о мощном противостоянии, оказываемом Японией. Япония закрепилась в Китае крепко и повсеместно, и речь может идти лишь о развитии японского присутствия в этой стране».

11. Встреча с Кромэ и столкновение у Халхин-гола. Германское посольство в Токио также получило выдающегося сотрудника, ценный источник информации. Им был все тот же Лиснер. Когда-то посол Отт слал в Берлин доклады о боевых действиях в Чжангуфэн, основывавшиеся на сведениях от Лиснера, что весьма повысило его статус на родине; теперь же пришло время вспомнить, что все это было благодаря именно ему.

Посол Отт пытался постоянно держать специального корреспондента партийной газеты при себе. Лиснер составлял для посольства доклады с секретной информацией и, помимо этого, имел доступ ко всем видам информации в посольстве, став, таким образом, кем-то вроде неофициального посольского атташе. Он даже жалованье получал от МИДа.

Долго ли, коротко ли, но Лиснер окончательно осел в Токио. Совместно со спецкором «ТрансОкеан» Селльмайером (Sellmeier) он снимал особняк в японской столице.

Очень скоро Лиснер стал вести «звездное существование» среди корреспондентов германских СМИ. Он почти не общался с равными себе по должности, ограничив круг доверительных связей особами высокопоставленными.

Помимо готового сделать все, что угодно, [Вильгельма] Лидтке, был лишь один человек, которого Лиснер допустил до самой глубины своей души. Им стал корреспондент «Хамбургер Фремденблаттс», работавший по совместительству и для нескольких других органов, Вернер Кромэ (Werner

Stome), – консервативный журналист буржуазного толка, сторонник силовой политики Германии, не затронутый расовыми предрассудками.

Лисснер остался в памяти Кромэ как незабываемый образ и значительная фигура. Несомненно, теснейшим образом их связали проведенные вместе годы в тюрьме, с их ужасом и страшными пытками. Для Ивара Лисснера дружба с этим единственным человеком продолжалась и долгое время после краха Третьего Рейха.

Лисснер впервые узнал о Кромэ в начале июля 1939 г., когда получил информацию от своих японских друзей, что на границе Монгольской Народной Республики столкнулись советские и японские войска. Если начнут разворачиваться боевые действия, сбудется то, о чем давно предсказывал Лисснер: начнется полномасштабная война между Москвой и Токио. В действительности мелкие стычки между японскими и монгольскими пограничниками случались довольно часто.

Лисснер хорошо знал этот военный театр, поскольку на своих двоих исходил всю Северную Маньчжурию. Лисснер пригласил Кромэ поехать вместе с ним в степи Хайлара к монгольской границе. Там им неожиданно выпал удачный жребий стать свидетелями танкового сражения. Лисснер телеграфировал в «Фелькишен Беобахтер»: «Советские войска перешли Хайлар». «Одна их часть перешла по наведенным мостам, другая состояла из плавающих танков и форсировала Халхин-гол с запада по караванным тропам. Они вплотную подошли к месту, где мы разместились – поселению колонистов. Затем начались бои; советские войска, контратакованные японскими, понесли серьезные потери».

Однако Красная Армия все усиливала нажим и очень скоро ввела в бой тяжелые танки. Лисснер и Кромэ работали, помогая друг другу. Когда Лисснер был слишком занят, он поручал составлять отчет для «Фелькишен Беобахтер» Кромэ, и так случалось довольно часто.

Тем не менее, сколь ни была тесной их деятельность, Кромэ не мог не заметить тревоги, царившей в сердце Лисснера. Кромэ никак не мог понять причин внезапно возникавшей у него нервозности. Уже потом он осознал: корреспондент «Фелькишен Беобахтер» Лисснер ни на мгновение не мог забыть, что ходит по тонкому льду. Будучи лицом притесняемым, Лисснер одновременно являлся сторонником нацистского режима, и в этом смысле его жизнь являлась крайне опасным балансированием на тонкой ниточке. Когда-нибудь старая история с поддельным удостоверением об арийском происхождении могла выйти наружу. Это и лежало в основании всех страхов Лисснера.

12. Обнаружение еврейского происхождения отца; лишение Лисснера должности. В середине сентября 1939 г. в адрес Лисснера пришло письмо, содержание которого лишило его всякого покоя. Роберт Лисснер, его отец, был вторично арестован гестапо и на этот раз признан полностью виновным в подделке документов, «подтверждающих» его арийское происхождение. Увольнение его с поста советника Министерства торговли и про-

мышленности оказало большое влияние и на судьбу специального корреспондента «Фелькишен Беобахтер»: его сын Ивар Лисснер был выведен из членов Имперского союза писателей и лишился работы в «Фелькишен Беобахтер». «Ангрифф» также разорвал с ним все отношения. Наконец, его выгнали из партии. (Брата Перси исключили из членов Национал-социалистической рабочей партии немедленно.)

Постоянные страхи Лисснера теперь стали явью, а он-то надеялся каким-либо образом мимикрировать и раствориться в государственной системе... Личное существование Лисснера, основанное на его работе, разбилося вдребезги. Теперь он совершенно не представлял, как вызволить отца из лап гестапо; одновременно у него не оставалось практически никакой возможности жить как журналист и писатель. Посольство его защитить не могло. В конце декабря посол Отт получил из МИДа указание вычеркнуть фамилию Лисснера из ведомости на получение зарплаты.

Единственным утешением было то, что Отт не желал расставаться со своим самым ценным источником информации и 4 января 1940 г. отправил в МИД телеграмму, в которой предлагал пользоваться услугами Лисснера в неофициальном плане, на что министерство согласилось. В середине января Отт послал пребывавшего в унынии Лисснера в исследовательскую поездку в Маньчжурию.

13. Поступление в разведотдел вооруженных сил; освобождение членов семьи Лисснера. Именно во время этой поездки у Лисснера созрел план поступить на работу в абвер. А какая еще работа оставалась для него доступной после крушения всего, что он имел? Лишь эта секретная разведывательная организация в вооруженных силах обладала достаточной способностью защитить уволенного сотрудника «Фелькишен Беобахтер».

Как бы то ни было, первоочередным для Лисснера было: срочно найти новую работу и вызволить отца из гестапо.

Разумеется, военная разведка не взяла бы Лисснера просто так, без оглядки; он должен был ей что-то предложить. И он нашел это «что-то», чего не было у прочих немцев, живших на Дальнем Востоке: дружеские отношения с японскими военными и знание секретной информации о дальневосточном регионе СССР.

Тем не менее, Лисснер пошел работать в абвер не без колебаний. Во всяком случае, он посоветовался с братом Перси. Того перевели на работу в Шанхай от торговой фирмы АЕГ сразу после первого ареста отца. Именно в Шанхае братья встретились и обсудили способы вызволения отца. Ивар написал несколько прошений в адрес правительства и пробовал заручиться поддержкой шанхайского консульства, однако ничего не получилось. Тогда он пошел по другому пути и направился в Харбин. Там он встретился с двумя работниками разведуправления.

Первым из них был Фитерер, а вторым – руководитель местной партийной ячейки Фон Киршбаум (Von Kirschbaum). Этот партийный руководитель

пообещал ему помощь. Фактически приказ из Берлина в Токио об исключении его из партии и увольнении с должности был задержан партийным органом. Тем не менее, на этой стадии Лисснер уже полностью передал себя в распоряжение разведорганов. В апреле он вернулся в Токио и смог опубликовать в одной из японских газет свой специальный репортаж.

Посол Отт, который и сам старался поскорее стереть свое антинацистское прошлое, ничем не мог помочь человеку, лишившемуся юридической защиты.

Однако неожиданно 5 июня 1940 г. явился спаситель. Им оказался институтский товарищ Лисснера гауптман Шульц (Hauptmann Schultz).

Он был командирован на Дальний Восток абвером с целью создания там шпионской сети (по-немецки КО, «военной организации»).

Вспыхнувшая в сентябре 1939 г. война сделала для руководства военной разведки Германии болезненно очевидной недостаточность и ущербность деятельности их системы.

Ни один из немецких информаторов не сообщил о близящемся начале китайско-японской войны. Отчетам германских агентов относительно военного положения на Тихом океане не доверяли в принципе. Хуже того, германская военная разведка не располагала достоверной и свежей информацией относительно советских вооруженных сил и военно-промышленного потенциала на Дальнем Востоке. Путем создания «китайского отделения КО» гауптман Шульц должен был компенсировать такую «недостаточность и ущербность».

В поисках секретных источников информации Шульц наткнулся на Лисснера. Однако сам Лисснер все еще сомневался, стоит ли полностью отдавать себя разведывательной работе. Пока что он подал Шульцу письменную просьбу о приеме на военную службу. От Шульца пришел письменный ответ: «У тебя что, есть еще чем заняться, кроме службы в армии?».

В конце июня Шульц отправился в Харбин и там переговорил с Лисснером. Они пришли к следующему соглашению: Лисснер под псевдонимом «Ивар» работает на разведуправление. Он готовит информационные отчеты о состоянии советских ВВС по Дальнему Востоку.

Таким образом, Лисснер поступил в дальневосточный разведотдел ВВС. Начальником этого отдела стал сам Шульц по возвращении в Германию. Условия поступления Лисснера в разведку до сих пор неясны, однако их легко додумать самим.

Ему было сказано, что в силах адмирала Канариса, на которого он начал работать, вытащить из гестапо его отца и, вместе с матерью, отправить их в Шанхай к Перси Лисснеру. Германской военной разведке, действительно, удалось добиться освобождения этого члена торгово-промышленной палаты, и даже без проволочек отправить престарелую чету Лисснеров в Шанхай. Прощание со своими товарищами (а среди них были такие лидеры антинацистского движения, как полицейский следователь Небе <Nebe> и быв-

ший мэр Берлина Герделер <Gerdeler>), и заботы по поручению одному из друзей продажи дома Лисснеров в Берлине заняли несколько недель. Радость освобождения омрачало лишь одно: служившая секретарем в Генштабе Вермахта младшая сестра Ивара, к которой он относился особенно нежно, не смогла поехать вместе с родителями. (Она умерла в 1943 г. по неизвестной причине.)

В сентябре 1940 г. они отправились в Китай через Польшу и Болгарию по Транссибирской магистрали. В Шанхае Роберт Лисснер снял дом № 103 на «Большой Западной улице».

Сам он к тому времени открыл маклерскую контору и добился весьма ошутимого коммерческого успеха. Национал-государственнические идеи того времени крепко им овладели; вот, как он остерегал в письме своего сына Ивара: «Именно сейчас ты должен вести себя как истинный немец. Через 3–4 года несомненно произойдут большие перемены. Однако и в этом случае нам никогда нельзя забывать, что мы – народ Баха, Бетховена, Канта и Клаузевица». Подобное напоминание от отца Ивару, который вел борьбу за собственную реабилитацию в так называемом «германском национальном сообществе», было совершенно излишне. Первый приказ из центра германской военной разведки был послан через посольство в Токио, и Лисснер был к нему готов.

14. Лисснер в Харбине. Получив деньги и абверовское удостоверение, Лисснер снял дом в Харбине и занялся созданием шпионской сети, которая вела бы наблюдение за советскими войсками. Разведзапросы от майора Циммермана передавал Лисснеру Киришбаум (агентурный псевдоним тогда еще неизвестного Лисснеру офицера из Берлина). Сообщения Лисснера передавались из германского посольства в Синьцзине по каналам МИДа; пакеты доставляли курьеры, а после начала войны с СССР сообщения передавались по радио.

В Харбине лучшего шпиона адмирала Канариса Лисснера ждала уже готовая структура, принадлежавшая Фютереру. Тот предоставил Лисснеру не только трехкомнатную квартиру, но и женщину–секретаря российского происхождения. Фютерер также открыл Лисснеру пути проникновения в группы эмигрантов–белогвардейцев. Сеть магазинов торгового концерна «Еси-мура» являлась частью компании Фютерера; их отделения были разбросаны по всей Сибири. Во время Первой мировой войны эта сеть пришла в упадок, но на самой грани банкротства ей помог капитал Фютерера и британских торговцев. С тех пор Фютерер организовал в Маньчжурии и Северном Китае около 80 отделений, занимавшихся производством, торговлей и выделкой мехов.

По словам Лисснера, «во всех отдаленнейших захолустьях Северной Маньчжурии скупка мехов и кожи, леса и пиломатериалов неизбежно имела связь с этой компанией, напоминавшей торговый дом Хадсона в Канаде. Как и в Канаде, люди здесь не сидели в уюте и тепле за печками, но были легки

на подъем и завоевывали окружающую природу». Для Лисснера, основная работа которого была направлена на соседний Советский Союз, наличие таких людей представляло необходимейшее условие. Помимо этого, в «Цзи-линь» работало несколько сотен русских, объединенных в крепкую организацию эмигрантов антикоммунистического толка.

Фютерер свел Лисснера с атаманом донских казаков Радзиевским. Его организация в Сибири располагала многими шпионами, имевшими дружеские связи среди советских офицеров на Дальнем Востоке. Этот казачий атаман был готов предоставить своих людей в распоряжение Лисснера. Среди них были и такие, кто по ночам переходил границу СССР и подолгу жил на той стороне.

Таким образом, в кратчайшее время разведорганизация Лисснера раскинула широкую сеть по южной и восточной Сибири. Лисснер даже послал доверенного человека в западно-азиатский регион СССР. Здесь пригодились его старые связи, наработанные во время прежних странствий по Маньчжурии. Уже в апреле 1939 г. он писал: «Я получил сведения от каравана, успешно перешедшего из внутреннего Туркестана в Монголию, – весьма опасное предприятие. Я искал китайских купцов, способных принести информацию из внутренних регионов азиатского континента. Так я встретился с людьми, бежавшими из Синьцзяна и Ланьчжоу. Люди из Ланьчжоу двинулись в направлении Суй-Юй и успешно пересекли границу». Эта обстановка вновь вернула его к жизни и заставила быть деятельным. Многие находили общение с тайным агентом Лисснером интересным и необременительным.

Когда организация Лисснера стала понемногу вырисовываться, он высказал пожелание Киршбауму, находившемуся в Дайрэне, иметь прикомандированных немцев. Киршбаум передал ему доктора Хайзига (Heissig) из Харбина (псевдоним Уэгедей). Позже к нему был добавлен некий Могал (Mogal) из Синьцзина. Посланник Вагнер предоставил ему других помощников. Среди них был Вольфганг Галинский, шифровавший сообщения Лисснера и телеграфировавший их в Берлин.

Наконец, Лисснер предложил руководству привлечь к работе его друга Кромэ. Тот в Токио внимательно смотрел по сторонам и передавал Лисснеру сведения о ситуации в германском посольстве. Разведчик Лисснер писал в Берлин руководителям Кромэ: «С недавних пор Кромэ представляется мне немцем, заслуживающим полного доверия, убежденным национал-социалистом. Он может принести особую пользу для развития отношений германско-японского союза. Его убеждения и мнения постоянны и не меняются со временем».

15. Знакомство с японской Квантунской армией. Лисснер добывал для германской разведки секретные материалы и от японской стороны. Он не только получал информацию от своих японских друзей-военных, но задавал вопросы и представителям японских разведорганов. Руководитель харбинского управления наводившей на всех страх военной полиции (*кэм-*

пэйтэй) полковник Касуга, начальник контрразведывательного русского отдела Ямасита очень хорошо относились к Лисснеру, доверяли ему и давали разъяснения по многим закрытым вопросам. Командующий особым японским экспедиционным корпусом в Харбине Янагида Отодзо, имевший очень недоверчивый характер, – и тот как-то воскликнул: «Какой же проникательный человек!», имея в виду Лисснера.

Полковник Касуга показывал этим германским разведчикам свои секретные карты. Потом, в 1942 г., Лисснер и Кромэ говорили, что Касуга подвел их к карте и указал на район Сталинграда. Затем он спросил: «Достаточно ли вооруженных сил имеет здесь Германия?» Лисснер ответил: «Наверняка достаточно». Тем не менее Касуга это не убедило: «Я опасюсь, что германских сил здесь недостаточно; их следовало бы увеличить как можно скорее». Кромэ: «Он провел пальцем линии с севера, северо-востока и с востока, и эти лучи сошлись на Сталинграде». Касуга продолжал: «На протяжении двух последних месяцев СССР перебрасывал с востока на запад под Сталинград танковые дивизии и артиллерийские соединения. А вот эти подразделения перемещаются с запада на восток».

Вернувшись домой, Лисснер сравнил карту полковника Касуга со своими материалами и ощутил беспокойство. По его словам, «были некоторые непонятные факторы, и я должен был их прояснить». После этого он немедленно отсылает в Берлин подробное и пространное сообщение о размещении вооруженных сил в районе Сталинграда.

Далее Лисснеру каким-то образом удалось достать материалы (которые ему не могли сообщить лица, враждебно настроенные к СССР) из самой Красной Армии. Он познакомился с работниками советского консульского отдела в Харбине и предложил им взаимовыгодный крупномасштабный обмен. Взамен информации о Красной Армии он передавал им сведения о японских вооруженных силах. Советские консульские работники пошли на это. Разумеется, эта информация была определенным образом подправлена, однако для специалиста, способного отделять существенное из вороха ненужного, было вполне достаточно и того, что в ней содержалось.

Исходя из анализа сведений, Лисснер точно предсказал время нападения Гитлера на Советский Союз: 22 июня 1941 г. Так и произошло, и после этого прогнозам Лисснера стали доверять. Центр военной разведки в Берлине на Тирпицуфер (Tirpitzufer) ежемесячно требовал еще больше сообщений, еще больше верных цифр, еще большей эффективности, и Ивар Лисснер продолжал слать руководству германского Вермахта результаты работы своей разведсети. Где появлялись новые воинские подразделения, где располагались военные заводы, где обучались военные, где происходили волнения, – все это Лисснер знал в подробностях. Его сообщения и выводы почти всегда соответствовали действительности. Он сообщал о переводе части тяжелой военной промышленности на Дальний Восток. Он предсказал, что Япония вряд ли вступит в войну с СССР, как того желал бы Гитлер.

Наконец, он предвидел начало войны Японии с великими морскими англо-саксонскими державами.

Он знал атмосферу среди советского военного руководства на Дальнем Востоке почти так же, как знал обо всем, происходящем в советском консульстве в Харбине. Иногда он даже узнавал о том, что происходило не только в азиатской части СССР.

Лиснер сообщал о «крупных перемещениях военных контингентов с Дальнего Востока на западный фронт» (сообщение № 236). Он представил таблицу с именами всех командиров второго эшелона Красной Армии. Он докладывал о «недостатке пайкового питания в дальневосточных частях, по сведениям дезертиров, а также о падении морали среди личного состава» (сообщение от 14.03.1942). О складывающемся положении он узнавал за два дня. «Узнали об укреплении войск НКВД и об усилении политического контроля на европейском театре военных действий и в Западной Сибири. Проматриваются признаки всевозможного материального ущерба; в особенности остро стоит проблема недостатка питания и одежды». В другом сообщении он делает следующее предположение: «Западносибирские железные дороги переполнены военными; это положение распространяется на Транссибирскую магистраль и ее ответвления. Вероятно, на этих линиях будут прекращены гражданские и почтовые перевозки».

16. Получение сведений о советских вооруженных силах; сообщения. Он точно знал имена руководителей соединений и подразделений. Например, в сообщении от 21.05.1942 он писал: «2 армия, командующий генерал-лейтенант Биричев, сформирована из: 145 ударной дивизии, командир полковник ВВС Третьяк, 11 ударной дивизии, командир генерал-лейтенант Русянов, 84 ударной дивизии, командир полковник Миронов, 134 ударной дивизии, командир полковник Ахманов». Он скрупулезно перечислял имена и цифры: «23 смешанное воздушное соединение, дислоцируется на Украине. 4 вспомогательный полк ВВС, 41 штурмовой полк ВВС, 51 бомбардировочный полк; база ВВС № 500, составлены из 15 военно-воздушного соединения, базирующегося в Оловянной». В сообщениях Лиснера были сведения даже о среднем комсоставе советских вооруженных сил: генерал-лейтенант Белов, генерал-майор Вранов, полковник Белогодский, дивизионный комиссар Шманенков, комбриг Новиков. В отчетах Лиснера присутствовали имена почти всех значительных представителей Красной Армии.

Лиснер слал в Берлин все больше донесений, а оттуда приходило все больше запросов. Их поток ежедневно увеличивался. Вот, например, что он шлет в Берлин: «Закончил сообщение об опознавательных знаках, дислокации и снабжении советских ударных сил на Дальнем Востоке. Закончил сообщение о 3-й воздушной армии, ударной дислокации, типах вооружения, а также о снабжении в частях. Авиасоединения 29, 30, 43, 82, 83, 244, 246, 247, 248, 250, 252». А вот новый запрос ему из Берлина: «Вы сообщали о генерал-майоре Вещерском, командующем Мурманским военным округом и,

одновременно, 14-й армией. Хотелось бы получить подробности из неясных мест его биографии». «Следует провести повторное, подробное расследование в отношении завода в Улан-Удэ. Где расположен 2-й авиационный завод в Иркутске? Что он производит?»

Однако в конце концов Лисснеру надоело заниматься исключительно разведыванием местонахождений военных частей Красной Армии и содержанием продукции советских военных заводов. Снедаемый честолюбием, он стал желать работы более высокого уровня. Пришло время начать «титаническую деятельность», – об этом он писал в «Ангрифф» еще в 1939 г. Освобождение России от коммунизма, спасение 180 000 000 чел. из мира серой культуры, лишённого надежды. Он хотел изменить политическую карту Советской Азии, планируя восстание в Западной Сибири. В качестве модели он выдвигал Украину, до определенной степени обретшую независимость. Далее, он планировал организовать массовое дезертирство из рядов Советской Армии. Наконец, он предлагал создать «группы Т», действовавшие бы в тылу противника и подрывающие боевой дух советских войск.

Лисснер перестал замечать всякую дистанцию между собой и нацистским правительством. Отбросив прочь личный опыт и опыт своей семьи, подобно горе, вздымающейся из пучины, в которой кишат демоны, он продолжал слать верховному командованию предложения, памятные записки и напоминания. «Усиление антибольшевистской пропаганды, активизация антикоммунистической деятельности подразделений Власова, организация саботажа в районах восточной Азии, – все это воодушевляется им; такие сообщения и его непрерывные усилия в служении германскому военному руководству имеет целью лишь одно». (Так записал в своем дневнике от 2 октября 1943 г. фон Гроте (Von Grote), осуществлявший связь между германским МИДом и верховным командованием.)

6 августа 1941 г. Лисснер отправил следующую телеграмму: «Посылаю лозунги, требующиеся контрреволюционными объединениями западной и восточной Сибири, а также приволжского региона, а также лозунги пропагандистского и проблематического характера, способные поднять массы». Снова и снова он предлагает планы организации восстания в Сибири. Наконец, Берлин высказал свою благосклонность к идеям Лисснера. «Мы ожидаем от вас подробных предложений». И вслед за этим немедленно новое послание: «После рассмотрения с более общих позиций, мы ожидаем от вас предложений по политическим взаимодействиям, на которых и следует более сосредоточиться». И, наконец, еще раз: «Мы глубоко признательны вам за все предложения относительно западной Сибири».

17. Разведывание японской стратегии на Тихом океане; сообщения. Почти незаметно для себя, выпрашивая и выведывая информацию у японской стороны с помощью своих незаурядных способностей, Лисснер оказался вовлеченным в активное разведпротивостояние противников в восточной Азии. Понемногу его сообщения о японских вооруженных силах стали сме-

шиваться с донесениями от советских источников. Направление военного продвижения Японии, насколько можно себе представить, – от Индонезии и Таиланда на Сингапур, как окончательный ориентир для атаки.

Лисснер знал о том, что война на Тихом океане разразится, за четыре месяца до этого. В мае 1942 г. он писал следующее: «Чтобы не позволить Америке устроить базы для отражения атаки, Япония, посредством оккупации Морресвиля и Дарвина, планирует контролировать острова северной части Новой Гвинеи и Австралии. Однако, на данный момент прервать каботажные сообщения на северном побережье Австралии невозможно». Впрочем, это было неизбежно. Он продолжал: «Японский объединенный флот в Коралловом море под командованием адмирала Ямамото готовит крупномасштабную наступательную операцию... Генерал Муто, находящийся на Суматре, станет, вероятно, командующим экспедиционного корпуса на Цейлоне».

Иногда берлинский центр сдерживал «перегревавшегося» Ивара. В одной из радиограмм из Берлина говорилось: «Будьте сдержаннее». Тем не менее, офицеры – начальники Лисснера заражались его азартом. Разведцентр считал, что на Дальнем Востоке «нет более способного, предоставлявшего бы более обширную информацию человека, чем Лисснер». Так позже высказывался один из его руководителей майор Бехтле (Bechtle). Адмирал Канарис 31 марта 1943 г. писал: «Сотрудник Ивар из внешней разведки является уникальным источником обширной информации по азиатскому региону России и приграничных с Маньчжурией советских областей. В особенности, в его сообщениях, полученных за последнее время, содержатся чрезвычайно важные сведения, в частности о сибирском регионе, дислокации советских ВВС и перемещениях советских войск, – информация уникальная». Именно потому, что Лисснер был столь важной фигурой, разведуправление совершенно не хотело его лишиться.

Друг Лисснера Шульц осенью 1941 г. был переведен в Западную Азию; дела начальника 1-го отдела разведки ВВС по Дальнему Востоку у него принял убежденный член нацистской партии, вскоре получивший чин полковника, Фридрих Буш (Friedrich Busch). Его перевели с должности начальника 1-го отдела разведки ВВС по западному направлению, и Лисснер попал к нему в подчинение. Шульц, вероятно, опасался, что у Лисснера могут возникнуть сложности с новым начальником в том случае, если он узнает, что тот наполовину еврей. Как бы то ни было, с этого момента Лисснер начал работать с Бушем, непрофессионалом в области разведки. Поскольку Буш не был специалистом, во всех сообщениях и на телеграммах Центра стояла подпись Шульца. Летом 1943 г. Буш был переведен в посольство в Стокгольме, и «памятный садик» Ивара украсился именем очередного начальника. И Буш, и его ближайшие друзья (майор Бехтле <Bechtle>, майор Бреде <Brede>, майор Элтинг <Elting>, генерал-лейтенант Плетц <Plötz>) очень скоро начали понимать, насколько важны сообщения Лисснера для командования Вермахта.

Отчеты Лисснера попадали в разведуправление Генштаба в виде «отчетов Буша», либо передавались в иностранный отдел сухопутных сил (начальник Райнхард Гелен <Reinhard Gehlen>), а также в отдел 1С штаба ВВС.

Был и третий путь – послать свое сообщение непосредственно на восточный фронт. Они посылались через командующего «Валли 1» (Walli I), т.е. через Центр восточного отдела, функционировавшего, основываясь на развединформации с передовых линий. В этом случае его материалы прежде всего попадали в действующую армию, а затем делились на части, относящиеся к ведению каждого отдела. Таким образом, телеграммы Лисснера составляли дополнительную ось, от которой проходила циркуляция сведений, распространявшихся военным руководством. Даже офицеры Генштаба под руководством Гелена, сколь привередливы они ни были, находились под впечатлением от сообщений Лисснера. Однако и в их среде раздавались критические замечания в его сторону. Например, в отношении доклада Лисснера от 14.08.1942: «Ивар посылает старье, выдавая его за новые сведения».

Само руководство разведки старалось использовать отчеты Лисснера с максимальной эффективностью. Разведотдел передавал лишь сведения, практически не имевшие ценности; находясь в ведении Вермахта, отдел часто попадал под жесткую критику (причиной которой служило соперничество разведслужб), и для ее смягчения сообщения Лисснера были поистине божьим спасением. Буш должен был часто ходить в штаб Восточного отдела, и начальник этого отдела Ханс фон Донаньи (Hans von Dohnanyi), не признававший его достойным соперником и равным себе коллегой, все же уделял сообщениям агента Ивара особое внимание. Итак, влияние Лисснера неуклонно росло. Далее, Донаньи и Восточный отдел стали показывать его сообщения Канарису, после чего, как говорили, доклады адмирала руководству приобрели особый блеск.

18. Дальнейшие требования Лисснера в отношении своего статуса; «Кантокуэн». Приносящий чрезвычайно большую пользу человек обычно выдвигает соответствующие большие требования. Лисснер служил подтверждением этого положения. Он потребовал своей всесторонней реабилитации в среде «Соотечественников» (Volksgenosse, членов т. наз. «единой немецкой нации»), и разведотдел каким-то образом смог удовлетворить это требование. Он полностью отменил процедуру его исключения из партии. Наконец, он оказал воздействие на Имперский писательский комитет (RSK), отменив все изданные там приказы, в том числе и о не издании в дальнейшем книг Лисснера. Далее, разведотдел потребовал от Комитета восстановить Лисснера в правах его члена, что и было сделано.

В учетной карточке Лисснера появилась такая новая запись: «Без малейших колебаний восстановлен членом Имперского писательского комитета». Наконец, разведотдел приложил массу усилий для очищения своего супершпиона от любой расовой нечистоты, и Ивар Лисснер стал чистокровным арийцем.

6 сентября 1941 г. на имя Лисснера из Берлина пришла телеграмма. «Ваше личное дело доведено до сведения фюрера, который дал свое безусловное согласие на вашу просьбу. Письменное подтверждение удостоверено мною и пересылается вам. Мои поздравления. Буш». 20 августа пришел документ, завизированный главой правительства, командующим Вермахта и другими высокопоставленными лицами: «Фюрер подтверждает нижеследующее. Доктор Ивар Лисснер, родившийся 10 апреля 1909 г. в Риге, в настоящее время проживающий в Харбине, писатель, признается по сути равным носителям немецкой крови. Данное сущностное равенство признается действительным не только в немецкой национал-социалистической партии и в пределах ее учреждений, но эффективно также и в вооруженных силах, где снимаются всяческие ограничения на занятие им любых должностей». Вскоре после этого прибыл и орден. Буш телеграфировал Лисснеру: «Поздравляю вас с заслуженным награждением орденом креста с мечами второй степени за трудовые заслуги в военное время!»

Однако Лисснер на этом не успокоился и продолжал выдвигать новые требования. Восстановление в партии, разрешение на восстановление статуса спецкора «Ангриффа», наконец, присвоение офицерского звания (капитана сухопутных войск), назначение на должность при военном советнике в посольстве с Синьцзяни. «Предлагаю: в отношении просьбы Лисснера о присвоении ему воинского звания – таковое присвоение было бы весьма полезным, поскольку работа, которой он занимается, может удовлетворительно выполняться лишь на уровне военных. Соответственно, это следует сделать как можно быстрее», – писал советник Вагнер в Берлин.

Однако на этот раз требование Лисснера выполнено не было; не помогли и усилия его друзей в разведотделе. Абвер не смог убедить в необходимости этих мер партию и Вермахт. Начальник 1-го отдела полковник Пикенброк (Pickenbrock), избегая признавать откровенную неудачу в отношении запроса своего лучшего разведчика, просил Вагнера «сообщить Лисснеру, что рассмотрение его запроса продолжается, а пока следует действовать как и прежде». Лисснер же не собирался складывать руки, но усилил нажим ради того, чтобы занять должное место в ряду государственных служащих. В работе на должности присутствовала немалая доля личной гордости; одновременно это давало ему определенные гарантии личного существования. Поскольку разведотдел зависел от дружеских отношений своего разведчика Лисснера с японскими военными, его руководство намеренно отказалось от мысли глубоко его законспирировать. Для японской стороны присутствовавший на Дальнем Востоке свободный писатель Лисснер представлял еще более важной фигурой.

Однако в конце 1941 г. в Квантунской армии было введено чрезвычайное положение и начались «особые военные маневры» (эвфемизм для выражения «военные действия») с неопределенным сроком окончания (так называемый план «Кантокуэн»), представляющие собой в действительности ре-

петицию войны с Советским Союзом, в результате чего Лисснер лишился возможности продолжать ту деятельность, которую проводил ранее.

В Маньчжурии вводились всевозможные ограничения, в частности были запрещены свободные перемещения людей и товаров. По категорическому приказу Квантунской армии, гражданские лица могли пользоваться железными дорогами лишь по 1, 11 и 21 числам месяца. Среди японцев ширилась шпиономания, к излишне любопытным представителям зарубежных стран мог быть применен «Закон об охране общественного спокойствия».

Лисснер почувствовал, как зашаталось все основание его профессиональной деятельности. Он более не мог свободно перемещаться по Маньчжурии; соответственно, его японские друзья не могли, как прежде, обеспечивать его информацией. Поэтому он со всей горячностью стал требовать себе военного звания, достаточного для представления Японии – военному союзнику Германии.

Однако поскольку Разведотдел не смог своими силами выбить для него такого звания, Лисснер пришел к совершенно отчаянному решению. Он своей собственной волей присвоил себе ранг, наделяющий его обширными полномочиями. В Харбине он назвал себя высокопоставленным представителем СС, о чем и стала свидетельствовать табличка на двери его жилища. В самое короткое время все знакомые Лисснера стали считать его специальным посланником фюрера на Дальнем Востоке. Дальше – больше; Лисснер дал всем понять, что он является руководителем всего восточноазиатского отделения гестапо.

Японцы, а тем более – его русские друзья безоговорочно поверили в эту совершенно безосновательную выдумку. Они считали, что влияние Лисснера ему гарантирует высокий ранг. Лисснер обещал, что буквально на следующий день после того, как Германия победит СССР, те получат всевозможные привилегии и политические выгоды. Жившие в Харбине украинцы ожидали от Лисснера министерских постов и получения германских паспортов. Кроме вспоминал: «Лисснер неоднократно говорил мне, что он обещал украинским националистам немедленно после победы Германии дать независимость Украине, заключить союз между независимой Украиной и победоносной Германией, обеспечить Украине благоденствие и процветание». Даже *кэмпэйтэй*, во всех прочих случаях с большим подозрением относившаяся к иностранцам, считала Лисснера «влиятельным гестаповцем».

19. Изолированность Лисснера. И все же немцы, проживавшие в Харбине, не могли не изумляться его стремлению всячески уклониться от сколь-нибудь близкого общения со своими согражданами, которые в известной степени доверяли ему право управление собой. Лисснер постоянно посещал лишь одну немецкую семью, где было несколько дочерей, что стало источником нескончаемых слухов. Разумеется, он бывал и в домах некоторых немецких коммерсантов. Однако в остальном он держал дистанцию со своими «соотечественниками» и никогда не ставил себе цели «завести друзей».

Многие считали его высокомерным и непонятным человеком. Даже такой хорошо к нему расположенный наблюдатель, как Вайнрайх, говорил, что, хотя у него и было очень теплое сердце, «внутри он был совершенно закрыт и никого не пускал далее определенной черты. Он не раскрывался даже при самых доверительных разговорах, стараясь избегать любых откровенностей».

Совершенно неудивительно, что в таком тесном мирке, как харбинская община немцев, в которой слухи просто роились, Лисснер нажил себе врагов и недоброжелателей. То, что его воспринимали как «странного», имело причиной еще и то, что знали его немногие. Наконец, даже такие люди, как Фютерер и Киршбаум, знавшие Лисснера издавна, когда были его старшими товарищами по учебному заведению, думали, что он считает их занимающимися легкой синекурой и испытывали к нему мстительную неприязнь, оплачивая полным безразличием к его судьбе. Такое положение дел было для Лисснера весьма опасным.

Дело в том, что реальный руководитель компании «Цилинь» Фютерер имел с японцами еще более доверительные отношения; после начала войны Японии с Америкой и Великобританией все английские торговые представительства должны были отойти к японской стороне. Далее, фон Киршбаум, лидер провинциального отделения нацистской партии, ради создания в глазах мирового сообщества «непорочного» облика немцев, проживавших в Маньчжурии, имел в своем распоряжении группу оголтелых фанатиков, способных как на демагогию, так и на все прочее.

Одним из них был Адальберт Шульце (Adalbert E. Schultze), один из основателей Харбинского отделения НСДАП, представитель управления Германскими имперскими железными дорогами. Он считал совершенно невозможным, чтобы наполовину еврей Лисснер был назначен особым представителем самим фюрером. В конце 1942 г. Шульце, явно подстрекаемый своим непосредственным начальником Киршбаумом, отправился в германское посольство в Токио. Там он встретился с атташе Майзингером и спросил у него, действительно ли Лисснер назначен высокопоставленным представителем гестапо по Дальнему Востоку. Сам представлявший гестапо, Майзингер был взбешен: «Я удавлю этого жида!» – кричал он.

Майзингер растоптал жизнь Лисснера. Он являлся представителем нацистского руководства на Дальнем Востоке, и не было человека, готового более безжалостно и холодно реализовывать нацистское господство. Его называли «баварским беззаконником». Он служил в штурмовых отрядах, был начальником следственного отдела, руководил полицией, с 1899 г. (1) являлся членом партии; был храбрым солдатом; служил в гестапо с момента его создания, то есть представлял собой одного из основателей абсолютистского государства. Его методы расследования отличались беспощадностью; он являл тип полицейского, не весьма высоко ценившего руководство органов безопасности нацистского государства. Технократы с холодными головами

из органов госбезопасности, руководства гестапо и разведотдела СС (СД) были рады заполучить в свое распоряжение столь ревностного служаку.

20. Сомнения гестаповца Майзингера. Имя Майзингера было связано с «Инцидентом Рема» и самым крупным политическим скандалом в гитлеровской Германии. Последний представлял собой снятие в феврале 1938 г. с должности имперского военного министра Фон Бломберга (Von Blomberg) и верховного командующего сухопутными силами Вернера Фрайхерра фон Фрича (Werner Freiherr Von Fritsch). Майзингер был тогда «начальником центрального общегосударственного штаба Движения за искоренение гомосексуализма» и каким-то образом смог получить через гестапо материалы, подтверждавшие виновность Фрича в гомосексуальных отношениях с юношами.

Пораженные примитивными методами Майзингера, гестаповцы, тем не менее, с его помощью создали «очевидные улики», но непосредственно перед тем как обнародовать, вдруг забрали их обратно к себе в архив.

Из центра гестапо Майзингера перевели в архивный отдел СД, после чего на какое-то время забыли о нем; когда же началась война, о нем вспомнили и направили в Варшаву начальником отдела безопасности СС. Однако из-за его совершенно варварского обращения с подчиненными главным отделом имперской безопасности (РСНА) против него было начато расследование. В результате этого в мае 1941 г. Майзингер был вновь переведен, на этот раз начальником полицейского отдела связей в Токио. Этот отдел возник в результате заключения Антикоминтерновского пакта и создания японско-германской полицейской организации. Когда Франц Хюбер (Franz Huber), ранее занимавший этот пост, узнал имя своего преемника, его лицо побелело. Он говорил своему приятелю в посольстве: «Должен тебе сказать, что вместо меня прибывает отъявленный мерзавец».

Майзингер быстро стал известен в Токио своими постыдными действиями. Помимо того, что он заставлял подчиненных шпионить за работниками посольства, он еще и пользовался своим служебным положением, устраивая для своих работников азартные игры. Майзингер был заядлым игроком. Партнеров по покеру он силой заставлял проигрывать, и не было никого, кто мог бы у него выиграть. Как рассказывал Кромэ, «вопрос – выиграть или проиграть – не стоял. Играя в своем доме в покер поздно вечером, он клал на карточный стол пистолет и угрожал застрелить того, кому могло бы повезти». Один раз случилось так, что он действительно застрелил немца, капитана торгового судна. Однако благодаря связям Майзингера с японской полицией ему сошло это с рук. Он дал ведущему расследование капитану *кэмпэйтэй* Сонода 20 000 иен, и тот записал в протоколе, что капитан покончил жизнь самоубийством. (Судя по записям, позже Сонода умер, повесив себе живот.)

В феврале 1942 г. появился человек, желавший положить конец дерзкой деятельности Лисснера; им был доносчик Шульце. Сам он был марионеткой.

Майзингер сделал его сотрудником гестапо и дал задание подкараулить Лисснера, а Шульце, в свою очередь, задействовал одного русского эмигранта. Тот однажды арестовывался японской *кэмпэйтэй* за незаконное сокрытие оружия, и Шульце его спас, так что теперь он был в полном его подчинении и не поднимал головы.

Вместе с этим русским Шульце начал следить за Лисснером, однако «хвост» за ним было держать очень трудно. Но вот, наконец, два «следопыта» обнаружили вопиющий в своей важности факт. Лисснер в определенное время регулярно посещал советское консульство. А для чего должен был человек, выдающий себя за особого представителя великого фюрера, в самый разгар войны со «смертельным врагом – большевизмом», встречаться с консулом, официальным советским лицом?

Незамысловатые мозги члена нацистской партии Шульце выдали единственное объяснение: совершалась измена! Шульце понял: Лисснер – советский шпион.

Майзингер, получив такое сенсационное донесение, был поражен и немедленно выехал в Харбин. Там он решил дать сражение непопулярному Лисснеру в танцзале «Фантазия», где собирались многие не страдавшие скупостью немецкие граждане. В «Фантазии» Майзингера сопровождал доктор Август Поншаб (August Ponschab) из харбинского консульства.

И Поншаб, и сам консул обрели большую влияние благодаря информации, поступавшей от Ивара, однако Поншаб также включился в слежку за Лисснером. Через представительство посланника в Синьцзяни, находившееся в 500 км от Харбина, он раз за разом слал Лисснеру приказы информационного плана. Для Кааса (Kaas), руководителя из центра, Поншаб был молодым человеком, разумеется, неспособным противостоять натиску партийных чинов. Будучи сперва в глубине души расположенным к Лисснеру, теперь он повернулся к нему спиной – чем бы это ни было вызвано.

Лисснер начал понимать, что происходит нечто странное. Скрыться от следовавших за ним по пятам (а среди них были и местные жители) он не мог. Сотрудники консульства стали относиться к нему неуважительно, чего ранее не было. Однажды, когда Лисснер пришел, чтобы получить послание от Буша, секретарь консульства и тайный сотрудник гестапо Кортер (Korter) стал вынуждать его раскрыть содержание письма, выхватив конверт из рук. Лисснер оказал бешеное сопротивление, и дело едва не дошло до драки. Затем его служанка, прислуживавшая еще Фютереру, стала ходить заплаканная; спрошенная Лисснером о причинах, она призналась, что Фютерер силой принуждает ее сообщать ему о том, что Лисснер делает в своей комнате, что он знает и откуда это узнает. Секретарь Лисснера Лидтке, узнав об этом, сказал: «Джентльмен может отбить у знакомого жену, но тот, кто обманывает служанку – не джентльмен, а мерзавец!»

Лисснер немедленно ответил на этот выпад. Когда он понял, что за всеми этими махинациями стоит Фютерер, он выдвинул обвинение против него

и подполковника сухопутных войск Такаги, управляющего компанией Фютерера с японской стороны.

Обвинение Лисснера состояло в том, что их деятельность весьма напоминала разведработу на Великобританию. Это вызвало большой шум и волнения, поскольку формально, на поверхности торговая фирма Фютерера являлась английской собственностью. Этим обвинением Лисснер надеялся добиться нескольких результатов. Вот что он писал Бушу в докладе от 21.08.1942: «Подполковник Такаги получил строжайший выговор от вышестоящего начальства; ему было сказано, что на инцидент закроют глаза, но только на этот раз».

Очень скоро Лисснер понял, что всем дирижирует из Токио Майзингер, и что он должен действовать гораздо быстрее этого гестаповца. Он не мог допустить, чтобы Майзингер до предела усложнил ему задачу сбора сведений. Однако как можно было воспрепятствовать такому противнику – представителю штаба имперской безопасности? Подсказку предоставили сообщения Кромэ из Токио.

У этого всесильного атташе германского посольства образовалось весьма уязвимое место. Майзингер был замешан в шпионском скандале с Зорге.

21. Дело Зорге и Лисснер. 18 октября 1941 г. *кэмпэйтэй* арестовала кремлевского шпиона Рихарда Зорге (Richard Sorge) и всю его разведгруппу (2). Этот инцидент лег серьезным пятном на союзнические отношения Японии и Германии. Что бы ни говорили, но Зорге был гражданином Германии и даже имел удостоверение члена нацистской партии. Дело, однако, обстояло еще хуже. Зорге был близким другом германского посла Отта, а также имел тесные отношения с Майзингером. Этот инцидент подставил под удар и Отта, и Майзингера. Женой министра иностранных дел Сигэнори Того была немка, которая комментировала события так: «Теперь что бы ни случилось, он уже не мог далее быть послом. Будь посол японцем, он пустил бы себе пулю в лоб».

Посол Отт и его полицейский надзиратель Майзингер, разумеется, самоубийства не совершили. Тем не менее, арест Зорге, с которым у них были дружеские отношения, явно поставил их в крайне трудное положение. Как они могли объяснить своему вышестоящему начальству в Берлине, что Коминтерновский шпион, член коммунистической партии с большим стажем смог получить доступ к государственным тайнам великой германской империи?

Они решили форсировать события, не дожидаясь, пока от них потребуют объяснений. Они категорически отвергли все обвинения, предъявленные Зорге. Они стали распространять мнение, что член нацистской партии Зорге пал жертвой внутренних интриг антигерманской группы в японской полиции. Отт писал, что «эта юридическая ошибка должна быть тщательно исследована», а Майзингер составил вопросник из 22 позиций с приложением мнений экспертов. Суть его состояла в том, что Зорге никак не мог быть

шпионом. Более того, он пригрозил, что «всякий мерзавец, считающий Зорге шпионом, будет отправлен в концлагерь». Даже когда было получено полное признание Зорге, Отт с Майзингером отказывались признавать очевидное. В послании германскому МИДу от 09.01.1942 Отт писал: «Я весьма сомневаюсь в том, что, как сообщает начальник информотдела полиции, писатель Зорге вел разведдеятельность в пользу Коминтерна».

Для того, чтобы нанести Майзингеру решительный удар, Лисснер решил раскрыть их недальновидную и ошибочную политику. 23.03.1942 послал Бушу телеграмму, в которой намекал на то, что Зорге, являясь в действительности советским шпионом, очень долгое время получал от германского посольства в Токио всяческую поддержку. Там, в частности, говорилось: «От германского посла, основного средоточия всяческой информации, Зорге получал сведения в доверительной форме и в течение долгого времени, работая на СССР и в частности – на Красную Армию».

Немалый урон понесла и Япония, хотя ущерб для Германии был, конечно, больше. Информация о Германии уходила в Токио от германской стороны. В результате его предательской деятельности пролилась японская кровь. Зорге нанес колоссальный ущерб, размеры которого трудно-определимы».

Телеграмма Лисснера разворошила осиное гнездо. Германский министр иностранных дел Йоахим фон Риббентроп приказал немедленно начать расследование, а в Токио отправил срочную телеграмму с требованием объяснений. В этой телеграмме, адресованной послу Отту от 26 марта, говорилось: «Я требую от вас подробнейших ответов на поставленные ниже вопросы. Правда ли, что, как мне сообщили ранее, вы вели с Зорге личные разговоры и предоставляли его вниманию письменные материалы относительно различных вопросов внешней политики? Далее. Вы обязаны сообщить, в какой мере действия германского посольства и его отдельных представителей нанесли урон доверию японского правительства к правительству Германии...» В ответной телеграмме Отта говорилось следующее: «Ситуация с т. наз. инцидентом Зорге полностью соответствует изложенному в отправленной вам телеграмме от 9.01.1941 за № 60».

Одно время имевшие хождения «сведения» Лисснера постепенно исчезают, поскольку не имеют ни основания, ни содержательности, будучи простым собранием слухов. Теперь уже посол Отт стал требовать ареста Лисснера, сообщив в японский отдел расследований, что «шпион [Лисснер] распространяет слухи, играющие на руку врагам, за что заслуживает немедленного ареста». Беспардонное отрицание всего Оттом, похоже, смогло обмануть Риббентропа и его подчиненных. Они, вероятно, решили: «То, что Зорге получал в германском посольстве в Токио совершенно секретную информацию и радировал ее в Москву, не имеет никаких доказательств и является не более, чем предположением». Так писал 01.04.1942 заместитель министра иностранных дел Фон Вайзекер (Von Weizsäcker).

Однако по ходу расследования реальное положение в деле Зорге стало понятно даже бюрократам из МИДа. Посол Отт был смещен, и вместо него назначен личный друг Риббентропа Генрих Штамер (Heinrich Stahmer). Но и он был ущемлен в расовом плане, что заставляло его действовать с большой оглядкой на начальство: его жена была еврейкой.

Все же никакие усилия уже не могли вернуть МИДу его чести и достоинства, и тогда он обернул свое оружие на того, кого до сих пор спасал от всяких опасностей – на Лисснера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Вероятно, ошибка, следовало бы «с 1919».
- (2) Ошибка. Р. Зорге и его группу арестовала *токко* – «специальная высшая полиция».

LISSNER – MIRROR IMAGE OF SORGE

A. Fesyun

Department of Civilizational Development of the East
School of Asian Studies
National Research University – Higher School of Economics
Maly Tryokhsvyatitelsky per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

The biography of Ivar Lissner is presented. He worked in the Far-East in the 1930s and 1940s and actually repeated the fate of the Soviet Military Intelligence officer Richard Sorge.

Key words: Lissner, Germany, Fascism, Japan, USSR, Intelligence, Abwehr, Richard Sorge, Manchuria, China.